

● ПОРТРЕТЫ МОЛОДЫХ

УСЛОВИЯ ИГРЫ

В МАЛОМ зале Дома актера состоялся творческий вечер актера Театра сатиры Алексея Левинского. Однако представление на этот раз имело своей целью обнаружить его не актерские, а режиссерские притязания.

В течение десяти лет, не покаясь на широкую аудиторию, Алексей Левинский исследует почти незнакомую нашему театру традицию. Независимый от модных течений и потребностей, он отстаивает древнюю форму фарса.

Фарс есть последняя ступень трагического. Здесь не властны обычные законы психологии, но безусловна истина страстей. Здесь, у крайнего предела, таинственно переплетенные, управляемые мучительным ритмом, соединились критические формы человеческого бытия.

В тот вечер маска часто закрывала лицо актера, чтобы яснее обнаружить сущность его духа. Традиция итальянского театра масок широка и многообразна; Левинский последовательно отбирает в ней лишь необходимое себе. Он углубляется еще дальше, в средние века, где вольные жонглеры и фокусники, шуты и лицедеи дарят его своим мастерством. В белом жабо с порога нашего времени смотрит Мейерхольд с глазами Пьеро. Тень Антонена Арто, великого театрального

мечтателя, кивает нам из-за спин этих клоунов и клоунесс. А трагические гистрионы Ингмара Бергмана — вот, если угодно, современные союзники Левинского. Испытатели судьбы и вместе с тем — исполнители ее воли — его герои. Навсегда пораженный этим резким ракурсом, он находит родственные себе темы и в «Балаганчике дона Кристобая» Гарсиа Лорки, и в «Гамлете» Шекспира, и в «Жизни Галилея» Брехта, и в монологе Репетилова из «Горя от ума». Всюду, где бьется трагическое притворство, где вершится опасная игра, где есть место искушению — режиссер находит пищу для своих экспериментов. И тогда, раздвинув занавес театра жизни, судьба принимается следить за каждой уловкой, всякой отяжкой, любой попыткой, твердо зная, что возьмет свое, — и ни смех, ни провокация, ни отчаяние не останавливают ее движения.

Арсенал этого древнего театра так же скуп и выразителен, как и его философия. Он требует виртуозного, рассчитанного на каждом вздохе владения собой — ибо за всем происходящим на сцене должно слышаться напряженное дыхание фарса. Фарс вступает в свои права только тогда, когда неизбежность трагедии очевидна. Оттого многократно усилены все

ощущения мира: смех обращается в хохот, слезы — в молчание, слово — в паузу.

Трагическая отчетливость сюжета требует от актеров исключительной точности — и здесь сам Алексей Левинский демонстрирует высокий класс. Каждое движение его — сюжетный поворот, любой контакт со светом, звуком и предметом вызывает почти взрывной эффект.

Традиции стары, но развитие их непрерывно. Театральные опыты группы под руководством Алексея Левинского поучительны и впечатляющи. Ничто, рожденное в недрах культуры, не будет утеряно навсегда. Трудный путь экспериментов осветил еще одну, почти забытую грань многоликого искусства театра.

Свой творческий вечер Алексей Левинский закончил стихотворением Бертольта Брехта. Человек приходит в хижину изгнанных поэтов. Его встречают Овидий и Еврипид, и Вийон, и Шекспир, и многие, многие другие. Их разговор весел и мудр, прост и многозначителен. Но из темного угла раздается голос, вопрошающий глухо: а кто-нибудь помнит твои стихи наизусть? Это был голос поэта, все творения которого уничтожены, голос поэта без имени и лица. И смолк смех, оборвался разговор. «...Пришелец побледнел».

Итак, условимся: пока кто-нибудь бледнеет, столкнувшись с утраченным, но когда-то бывшим, искусство обречено на жизнь.

Е. ДАВИДОВА.